

эмоциональность, выразительность, образность. Как и каждый писатель, А. П. Чехов выработал свой индивидуально-авторский стиль, отличающийся уникальностью и самобытностью. Как настоящий мастер слова писатель демонстрирует простоту, красоту, богатство русского языка.

Список использованных источников:

1. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 225 с.
2. Грищенко А. И. Идиостиль Николая Моршена: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.01, 10.01.01 / А. И. Грищенко. – Москва, 2008. – 23 с.
3. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 447 с.
4. Напцок М. Р. Идиостиль, идиолект, словотворчество: к вопросу о соотношении понятий // Наука. Образование. Молодежь. – Майкоп, 2005. – С. 328-331.
5. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
6. Старкова Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях / Е. В. Старкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 5. – С. 75-81.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под ред. М. Н. Кожинной]. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т.: Т. 10. Сочинения. 1898–1903 / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1986. – 492 с.

Самойленко К.А

аспирант,

*Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды*

ПУШКИНСКИЙ «СЛОЙ» В ПЬЕСЕ ВЕЛ. ХЛЕБНИКОВА «ОШИБКА СМЕРТИ»

Вопреки тому, что Вел. Хлебников был солидарен с идеями манифеста «Пощечина общественному вкусу», авторы которого призывали сбросить А. Пушкина с «парохода современности», он хорошо знал его творчество: не просто читал, но и цитировал, ссылаясь, заимствовал, переосмысливал его образы и мотивы. Э.В. Слина отмечает оригинальность воплощения им пушкинского слова из «Полтавы»: «Хлебников самым способом выражения мысли создает поэзию, возникает угловатая, громоздкая, косноязычная метафора, через которую и создается новая «Полтава», немного похожая на «Полтаву» Пушкина, но такая, какой бы мог написать ее сам Хлебников» [5, с. 113]. В 1909 г. он вместе с посетителями «башни»

(С. Ауслендером, Н. Гумилевым и М. Гофманом) участвовал в Пушкинском семинарии профессора С.А. Венгерова. Видимо, Вел. Хлебников иначе понимал «сбрасывание» предшественника: он ««бросал» не Пушкина как поэта, а его образ в обывательском («приобретательском») представлении» [1, с. 171].

Уже современники (М. Кузмин и Н. Степанов) отмечали высокую степень его влияния на Вел. Хлебникова. Э.В. Слина [5] и Р. Якобсон [9] рассмотрели случаи конкретного выражения этого влияния. Так, в статье Э. Слиной, речь идет о случаях цитирования, о реминисценциях, исследовательница выявляет сюжетные и тематические параллели, синонимическое начало в композиции стиха. Р. Якобсон кратко рассматривает параллели между поэмой, написанной Вел. Хлебниковым в соавторстве с А. Крученых «Игра в аду» (1912) и пушкинским отрывком 1821 г., в котором потусторонние силы играют в карты. Однако не существует исследований, в которых был бы представлен сколько-нибудь полный анализ влияния маленькой трагедии А. Пушкина «Пир во время чумы» (1830) на «Ошибку Смерти» (1915) Вел. Хлебникова. Цель данной работы – определить точки пересечения этих произведений.

Переводы и подражания составляют приблизительно пятую часть наследия А. Пушкина и почерпнутое у предшественников воплотилось в самобытные и оригинальные произведения. Писатель не считал подражание чем-то недостойным, а наоборот – источником вдохновения: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение – признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» [8, с. 243]. Произведения Вел. Хлебникова также содержат множество цитат, реминисценций и аллюзий на произведения авторов разных времен, направлений и стилей. «Чужое слово» использовалось писателем, чтобы выразить солидарность с идеями или философией предшественника, целого литературного направления или, напротив, – для полемики с ними.

«Пир во время чумы» – одна из маленьких трагедий А. Пушкина, сочетающая в себе черты перевода и оригинального произведения, источником которого послужила 4-я сцена I акта трагедии Дж. Вильсона «Чумной город» (1816). Вел. Хлебников не случайно обратился к ней. Еще в письме к М. Матюшину от 18 июня 1913 г. драматург писал: «Вообще есть слова, которые боязно произносить, когда они имеют предметное содержание. Я думаю, что такое слово «смерть», когда она застаёт тебя врасплох? Чувствуешь себя должником, к соседу которого пришел заимодавец. Собственно смерть есть один из видов чумы и, следовательно,

всякая жизнь всегда и везде есть пир во время чумы» [7, с. 365]. Как нам представляется, эти размышления и впечатления от знакомства с пушкинским произведением стали основой идейно-философского наполнения пьесы «Ошибка Смерти». В ней раскрывается близость восприятия смерти Вел. Хлебниковым и А. Пушкиным. В обоих произведениях отчетливо проявляется тема смерти и бунта против ее проявлений. По мнению Э. Слининой, «Через восприятие Хлебниковым «Пира во время чумы» открывается одна из самых глубинных основ Хлебникова поэта – его жизнелюбие» [5, с. 115]. Оно проявляется в реализации концепции «победы над смертью». Автор прибегает к персонификации экзистенциального понятия «смерть» для борьбы с ней. Наделив ее телесностью, человеческими слабостями писатель конструирует возможность нанести ей физический вред и даже уничтожить, поскольку только на физическом, телесном уровне такое возможно.

У А. Пушкина смерть и чума одно: «Царица грозная, Чума / Теперь идет на нас сама / И льститься жатвою богатой; / И к нам в окошко день и ночь / Стучит могильною лопатой» [2, с. 150]. Она возведена в ранг царицы и вселяет уважение и страх. Намек на орудие смерти, «косу» (в строке о жатве), и «могильная лопата» добавляет образу мрачности. Однако сам текст гимна, который является не переводным, а исконно пушкинским, написан с присущей ему легкостью, в мажорном ключе. Он по тональности и ритму отличается от переводной части и создает ощущение веселья. Благодаря этому чума и смерть не вызывают у читателя ужаса. Возникает почва для бунта: нет страха – человек находит силы бунтовать через максималистское отрицание: «Итак, – хвала тебе, Чума! / Нам не страшна могилы тьма, / Нас не смутит твое призванье!» [2, с. 151]. Противостояние сопровождается безудержным весельем и пиром: «Зажжем огни, нальем бокалы, / Утопим весело умы / И, заварив пиры да балы, / Восславим царствие Чумы» [2, с. 150-151]. «Прославление» чумы – не более, чем сарказм. Смех, пир и веселье – средства борьбы со смертью.

Чума-Смерть представлена только через слова одного из героев (Председателя). Ее образ персонифицируется лишь отчасти: этому способствуют слова, которые по обыкновению относят к человеку («идет», «льстится», «стучит лопатой»). Однако Вел. Хлебников идет дальше: в пьесе экзистенциальное понятие становится действующим лицом. Драматург называет ее «барышней» и «госпожой», что перекликается с пушкинской «царицей». Однако такое «именование» расходится с ее образом. В начале произведения героиня на балу кружится в хороводе с гостями. Но «бал» происходит в низкопробном питейном заведении – «харчевне», а гости – «безмясяя пьяниц толпа»

[6, с. 227]. Барышня Смерть также изображается в белых одеждах и с хлыстом в руках, как дрессировщик среди зверей. Дальше образ снижается: на бал приходит новый гость – Тринадцатый, требует у хозяйки «глоток кубка смерти» и угрожает, что если не получит желаемого – лишит ее «права торговли смертью навсегда и повсюду» [6, с. 230]. Однако в харчевне есть правило: каждый должен пить из своей посуды, но для пришедшего нет стакана. Поэтому Тринадцатый вовлекает Барышню смерть в лингвистическую ловушку: («*Барышня Смерть*. <...> Голову я потеряла. *Тринадцатый*. Я, тринадцатый, спрашиваю – голова пустая? *Барышня Смерть*. Пустая как стакан. *Тринадцатый*. Вот и стакан для меня! Дай твою голову» [6, с. 231]). Барышня Смерть вынуждена «отвинтить» и отдать свой череп. На этом ее унижения не заканчиваются. Тринадцатый предлагает героине грязный носовой платок вместо ее головы и заставляет выбрать между чашами жизни и смерти. Обезглавленная и оттого слепая, Смерть делает выбор в пользу чаши смерти и умирает. Ситуация абсурдна до предела. Двенадцать гостей-мертвецов «оживают» «по мере ее умирания» и превращаются в «веселый пир освобожденных» [6, с. 233]. Как нам представляется, в последней реплике есть намек на текст А. Пушкина, в котором пируют те, кто попытались освободиться от моральных устоев и традиционного восприятия смерти.

В пьесе Вел. Хлебникова создается иллюзия победы над смертью: кажется, что Тринадцатый перехитрил ее и даже убил, однако из последней реплики Барышни Смерти мы узнаем, что она жива. Более того, героиня просит перечитать сценарий «Ошибки г-жи Смерти» и произносит: «Я все доиграла (вскакивает с места) и могу присоединиться к вам. Здравствуйте, господа!» [6, с. 233]. Эту реплику можно трактовать двояко. В одной из предыдущих статей мы связали ее с полемикой Вел. Хлебникова с тенденцией сближения театра с жизнью, к которой обращались современники писателя (Н. Евреинов, Ф. Сологуб и др.) [3]. Однако возможно еще одно объяснение: Смерть играла с Тринадцатым, создавая иллюзию превосходства и победы над собой. В конце она ведет себя как актриса, доигравшая спектакль и приветствующая публику. Барышня Смерть не только актриса, но и режиссер, а Тринадцатый – марионетка в ее драме. В результате одурачен и герой, и читатель, поверивший в свое превосходство над потусторонними силами. В «Пире во время чумы» главный герой к концу произведения теряет свой бунтарский запал: воззвания Священника поколебали его решимость отринуть традиционное отношение к смерти. Воспоминания об умерших, боль утраты отдалили его от пирующих. Но осознание «духовного падения» и невозможность очищения не дает ему уйти со Священником.

Он на распутье: среди чумы и веселья остается, «погруженный в глубокую задумчивость» [2, с. 153]. Ни Председатель, ни Тринадцатый не победили смерть.

Следует также обратить внимание на то, что в обоих произведениях представлен мотив игры со смертью. Однако они имеют разное воплощение. У А. Пушкина это выражается в восторге перед опасностью, близостью к смерти: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном океане, / Средь грозных волн и бурной тьмы, / И в аравийском урагане, / И в дуновении Чумы. Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья – Бессмертья может быть залог!» [2, с. 151]. Вел. Хлебников овеществляет метафору «игра со смертью»: Тринадцатый в прямом смысле вовлекает смерть в игру («пустая голова» превращается «пустой стакан»). Игра-спектакль Смерти также относится сюда. Велимировед В. Григорьев отмечал, что игра является «ключевым образом в идиостиле Хлебникова» [1, с. 173]. В «Ошибке Смерти» также присутствуют черты балагана, которые усиливают игровой элемент [3, 4]. Как и А. Пушкин, он использует мотив «пира», который традиционно ассоциируется и с весельем и с тризной.

Еще одна особенность, сближающая «Ошибку Смерти» с «Пиром во время Чумы» – наличие героев антагонистов и антитетичности. В трагедии А. Пушкина это Священник и Председатель, носители противоположных жизненных позиций: смирение перед судьбой и смертью первого и желание переступить традиционное понимание смерти второго. Председатель бунтует от боли, пирует вопреки всеобщему страданию. Ему нечего терять кроме собственной жизни: чума унесла всех, кто был ему дорог. Благодаря или вопреки этому в гимне чувствуется юношеский задор и желание противостоять силам, неподвластным человеку. Однако Священник, считая этот пир «надругательством» над тишиной, которая, согласно его мировоззрению, неразрывно связана со смертью, пытается наставить Председателя на путь истинный. Но он уже не принадлежит ни миру пирующих, ни миру, охваченному Чумой. Осознание его «духовного падения», заключающееся, по сути, в отступлении от традиционных христианских норм, изолировали Председателя от внешнего, подтолкнув к уходу во внутренний мир. В произведении А. Пушкина противопоставляются страдание – веселью, тишина – шуму пира, «святые мольбы» – «песням разврата», смерть – жизни. Вел. Хлебников использует в пьесе одну, но сюжетообразующую оппозицию: жизнь – смерть. Тринадцатый и Барышня Смерть – герои-антагонисты: первый – воплощение жизни, бросает вызов смерти, унижает, обманывает, даже побеждает ее на

мгновение; Барышня Смерть – воплощение смерти. Подарив Тринадцатому иллюзию победы, она обманывает всех и остается победителем.

Пьеса «Ошибка Смерти» – произведение, полемическое по своей сути. В нем ощутимы переключки не только с «Пиром во время чумы» А. Пушкина, но и с маленькими драмами М. Метерлинка, пьесой Ф. Сологуба «Победа смерти» и Н. Евреинова «Веселая смерть», однако эта тема требует более пристального внимания.

Список использованных источников:

1. Григорьев В. Хлебников и Пушкин / В. Григорьев // Будетлянин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 169-183.
2. Пушкин А.С. Пир во время чумы / А.С. Пушкин // Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература. – 1982. – С. 146-153.
3. Самойленко К.А. «Ошибка Смерти» В. Хлебникова и «Веселая смерть» Н. Евреинова: точки пересечения / К.А. Самойленко // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. Літературознавство. – Харків, 2016. – Вип. 1(83). – С. 141-153.
4. Самойленко К.А. Черты народного театра в пьесах Н. Евреинова «Веселая смерть» и В. Хлебникова «Ошибка Смерти» / К.А. Самойленко // Українська освіта і наука в ХХІ столітті: погляд молоді: матеріали ІІ Всеукраїнської науково-практичної конференції молодих учених (11–12 травня 2016 року, м. Харків) / ред. кол.: Андрущенко О. А. (гол. ред.) та ін. – Харків: ХНПУ, 2016. – С. 47-49.
5. Слина Э.В. Хлебников о Пушкине / Э.В. Слина // Пушкин и его современники. Учен. зап. Ленинг. Пед. Ин-та им. А.И.Герцена. Вып. 434. Псков. – 1970. – С. 111-124.
6. Хлебников В. Ошибка Смерти. Собр. соч.: в 6 т. / Велимир Хлебников; под ред. Р.В. Дуганова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4. Драматические поэмы. Драммы. Сцены (1904 – 1922). – С. 227-233.
7. Хлебников В. Полное собрание сочинений Т. 6. Кн. 2. Доски судьбы. Заметки. Письма. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2005. – 66. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=554102&p=25> (дата обращения 20.03.2017).
8. Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е. Эткинд. Л.: Наука, 1973. – 248 с.
9. Якобсон Р. Игра в аду у Пушкина и Хлебникова // Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию академика М.П. Алексева. Л., 1976. – С. 35–37.